

О сделках в трудовом праве и праве социального обеспечения

Н. И. Дивеева, Ф. К. Ногайлиева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дивеева, Нелли И., Ногайлиева, Фатима К. 2023. «О сделках в трудовом праве и праве социального обеспечения.» *Ежегодник трудового права* 13: 106–118.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.107>

Институт сделок, пройдя длительный путь эволюции и наполнения смыслами, приобрел в современном праве качества универсального средства регулирования общественных отношений. Универсальность и практичность сделок как правового средства имеют осязаемые проявления в любой отрасли права, формируя в той или иной степени отличительные характеристики метода и механизма правового регулирования. Суть и место сделок (и договоров как их разновидности) продолжают быть предметом дискуссий, значение сделок как юридических фактов во многих отраслях недооценено и нуждается в дополнительном научном анализе. В данной статье авторы ставят вопрос о сущности и месте сделок в системе юридических фактов, а также источников права в трудовом праве и праве социального обеспечения. Авторы на примере отраслей трудового права и права социального обеспечения доказывают, что сделки относятся к числу универсальных общеправовых средств, не имеющих исключительно гражданско-правовой привязки. При этом правовая регламентация этого средства разнится от отрасли к отрасли. В трудовом праве понимание сделки как одного из правовых средств способствует формированию и развитию трудового отношения не как конфронтационного («баррикадного»), а отношения сотрудничества, отношения консенсуального. В силу отсутствия юридического равенства между субъектами права социального обеспечения их права и обязанности не могут всецело определяться договором. Однако тенденция расширения договорного регулирования демонстрирует существенное влияние норм частного права на многие правоотношения по социальному обеспечению (государственная социальная помощь, социальное обслуживание, негосударственное социальное обеспечение).

Ключевые слова: сделка, правовые средства, юридический факт, трудовой договор, социальный контракт, договор о социальном обслуживании.

1. Введение

Понятие сделки традиционно увязывается с достижениями римской цивилистической мысли, однако это не совсем так. Гай в «Институциях» пишет: «Все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам (правовым действиям)» и располагает в разделе про иски обязательства, распадающиеся, в свою очередь, на контракты, квазиконтракты, деликты и квазиделикты (Гай 1997, 18). Поэтому справедливо считать, что многочисленные теории сделки и волеизъявления, отсутствуя непосредственно в римском частном праве, были

разработаны на его основе. Социально-экономическое развитие в Новейшее время привело к невозможности отразить в праве все возрастающее многообразие актов поведения; логика гражданского оборота требовала признавать юридическую силу за любым не нарушающим законов актом поведения и вылилась в закрепление в праве единого обобщенного понятия договоров и социально значимых односторонних актов поведения — сделки. (Егоров 2004, 30).

В современном праве сделка наряду с административным и судебным актами относится к числу юридических актов, т. е. правомерных действий — юридических фактов. В статье мы придерживаемся классического представления о соотношении сделки и договора как родовой и видовой категорий: сделки могут быть односторонними и многосторонними (в этом случае они носят название договоров). На первичность понятия сделки указывает и законодатель, используя формулировки, позволяющие определить договор как разновидность сделки (например, в ч. 3 ст. 431.1 ГК РФ «В случае признания недействительным по требованию одной из сторон договора, который является оспоримой сделкой...»).

2. Основное исследование

2.1. Сделки в трудовом праве

Как известно, действующее российское трудовое законодательство легально не оперирует термином «сделка» в качестве юридического факта, являющегося основанием возникновения, изменения и прекращения соответствующих правоотношений. При этом в научной литературе то поднимаются, то затихают споры о возможности и необходимости существования теории сделок в трудовом праве.

Продолжая научную полемику, начатую нами много лет назад (Дивеева 1999, 68–72; 2008, 195–211), поддерживая и дополняя позицию наших коллег, изложенную на страницах предшествующего номера «Ежегодника трудового права» (Филиппова и Хохлов 2022, 158–164), выскажем ряд соображений по данному вопросу, не претендуя на безупречность и полноту излагаемой точки зрения, скорее, призывая к продолжению дискуссии о межотраслевых связях в праве.

Как представляется, длительное время существующая абсолютизация отраслевого деления права не позволяет выстраивать логичные теоретические конструкции, отражающие внутреннюю (явно объективно существующую) системность права. На практике подобный подход не способствует построению оптимального механизма правового регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений. И речь в таком случае идет не только о наличии нерешенных насущных вопросов правового регулирования социальной действительности. Как видится, проблема гораздо глубже: ставится под сомнение ценность самой правовой системы как эффективного регулятора, возможности ее «самодетерминации в каждый конкретный период ее развития», «выражающиеся в возможности правовой системы “подтягивать” свое наличное состояние до требуемого, целевого уровня» (Соколин 2008, 141).

И здесь на помощь нам должна прийти инструментальная ценность права. Наряду с рассмотрением признаков права как особой разновидности социальных норм в 80-х гг. XX в. сформировался и другой подход к его существу. Через анализ

категории правовых средств появились рассуждения о функциональном аспекте воздействия права на общественные отношения, его прикладном значении (Алексеев 1987; Халфина 1988; Пугинский 1980; Маврин 1989). Так, Р. О. Халфина акцентировала внимание на том, что исследование возможностей права в регулировании общественных отношений в процессе социального управления — актуальное направление юридической науки (Халфина 1988, 10). С. С. Алексеев, обуславливая важность вопроса правовых средств, связывал его с проблемами определения эффективности юридического инструментария, оценкой действенности юридических средств (Алексеев 1987, 13).

Таким образом, основной тезис заключается в том, что есть первичные кирпичики — правовые средства, — которые, складываясь в некую совокупность, образуют механизмы правового регулирования определенных групп общественных отношений. При этом, как верно подчеркивал С. С. Алексеев, «...вопросы правовых средств не столько вопросы обособления в конкретное подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько их особого видения в строго определенном ракурсе функционального предназначения, роли инструментов оптимального решения социальных задач» (Алексеев 1987, 15). Таким образом, правовые средства не являются абсолютно новыми и неизвестными правовыми явлениями, а, скорее, представляют особый взгляд на их функциональную характеристику.

К таким правовым средствам можно отнести сделки, которые определяются в ст. 153 Гражданского кодекса РФ как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей. И тот факт, что развитие института сделки исторически связывается с цивилистической наукой, не означает, что данное правовое средство «встраивается» исключительно в регуляторный гражданско-правовой механизм. Являя существенные черты, свойственные сделке как правовому явлению, она может «встраиваться» в любой отраслевой правовой механизм, который нуждается в подобном инструментарии.

Представляется, что правомерные действия основных субъектов трудового права — работника и работодателя, — направленные на возникновение, изменение или прекращение трудовых отношений могут характеризоваться как трудовая сделка (трудовая сделка), так как обладают всеми признаками таковой в определенной сфере общественных отношений:

1. Характер общественных отношений, регламентируемых трудовым правом, позволяет субъектам права совершать определенные действия, позволяющие саморегулировать условия труда в рамках, предусмотренных законодательством (в отличие, например, от уголовного и административного права). Более того, конкретизация работником и работодателем правовых норм в трудовом правоотношении является объективной необходимостью, отражающей многообразие условий реализации права на труд. То есть одни субъекты права (работники), основываясь на своих потребностях и интересах, взаимодействуют с другими субъектами (работодателями), определяя для себя приемлемый эквивалент как «вознаграждение» за такое взаимодействие. Эквивалентность (соразмерность) социального обмена во взаимоотношениях индивидов становится субъективной величиной, зависящей от волеизъявлений субъектов. Выработка такого эквивалента путем подтвержде-

ния взаимообусловленности интересов («взаимности социального обмена» (Мамут 2001, 10)) осуществляется на основе компромисса, находящего свое отражение в допустимых активных действиях — сделках.

2. Правовое положение работника и работодателя, реализующих принцип свободы труда, способствует возможности заключения трудовых сделок, так как: а) в момент возникновения трудового правоотношения стороны формально равны; б) при реализации трудового правоотношения подчинение хозяйской власти работодателя не является абсолютным, т.е. формальное равенство сторон трудового договора сохраняется в значительной степени. Как работодатель, так и работник имеют возможность совершать юридически значимые правомерные действия либо, получив согласие другой стороны, либо иногда вопреки интересам другой стороны, но в рамках, установленных законодательством.

3. С точки зрения права действия работников и работодателей относятся к категории юридических фактов, поскольку очевидно, что последствия таких действий направлены на возникновение, изменение или прекращение правоотношений в сфере труда.

Стоит оговориться, что судебная практика высших судов РФ является более продвинутой в подтверждении инструментальной ценности права в вопросах квалификации юридических фактов в трудовых правоотношениях как сделок. Так, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» определяется, что действующее законодательство об обществах с ограниченной ответственностью и об акционерных обществах не исключает возможности квалификации в качестве крупной сделки и (или) сделки с заинтересованностью заключаемого с работником общества трудового договора или его отдельных положений. Без сомнения, в данном решении высшей судебной инстанции основной упор сделан на выявление положений трудового договора, свидетельствующих о крупном характере сделки — выплаты (разовые или неоднократные) денежных средств работнику в случае увольнения и (или) наступления иных обстоятельств либо заработной платы за период действия трудового договора, размер которых составляет 25 % и более балансовой стоимости активов общества. При этом, что архиважно, констатируется сама возможность квалификации трудового договора как сделки. Стоит отметить, что на сегодняшний день судебная практика идет по предложенному Пленумом ВАС РФ пути.

Кроме того, Определением Конституционного Суда РФ от 30.09.2021 № 2117-О поставлен вопрос о возможности признания заключенных трудовых договоров недействительными сделками. Суд указал, что положения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве о признании сделки недействительной распространяются, в частности, и на оспаривание действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с трудовым законодательством. Тем самым вновь подтверждается сама возможность квалификации юридических фактов в трудовом праве как сделок.

Представленные рассуждения вовсе не означают того, что любое явление правовой действительности можно применить в конкретной отрасли права. Оперирование термином «сделка» в трудовом праве не означает автоматической возможности использования в данной отрасли права юридической конструкции «признание

сделки недействительной». И не потому, что, как указывают некоторые исследователи, «действительность — недействительность сделки» — это исключительно гражданско-правовая терминология (Офман 2022, 122). В теории и на практике автоматическое «запараллеливание» названных правовых конструкций — «сделка» и «недействительность сделки» — заканчивается сомнительными по аргументации итоговыми выводами. Например, в судебном заседании был признан недействительным трудовой договор как мнимая сделка. Или, например, суд отказал в квалификации трудового договора как сделки, ссылаясь на то, что условие трудового договора, устанавливающее размеры компенсационных выплат, не является сделкой, поскольку с учетом ст. 153 ГК не является действием, направленным на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, вследствие чего представляется невозможным признать его недействительным и говорить о применении последствий недействительности.

В свете инструментальной ценности права можно утверждать, что, несмотря на универсальность такого правового средства, как «сделка», для применения в различных отраслях права, ее правовая регламентация разнится от отрасли к отрасли. Ведь на различных стадиях (этапах) механизма правового регулирования в конкретных отраслях права сочетание используемых правовых средств образует некое неповторимое соединение, определяемое особенностями предмета правового регулирования, изменениями экономического, социального, политического характера. А это означает, что последствия объединения в систему отдельных правовых средств, их групп или всего их отраслевого комплекса связаны с созданием особого правового режима отрасли права, который отражается и на правовой регламентации сделок. Так, качественное и количественное сочетание запретов, предписаний, дозволений в отраслевом регулировании, сочетание различных видов отраслевых источников права (договорных и внедоговорных), сочетание установленных отраслевых правовых стимулов и ограничений и пр. предоставляют разные возможности, например, для установления пределов свободы усмотрения сторон (стороны) в сделке. Как известно, Трудовой кодекс РФ предоставляет правовую возможность заключения трудовых договоров (являющихся двухсторонними сделками), если они не содержат условий, снижающих уровень прав и гарантий работников, установленный трудовым законодательством, иными актами, содержащими нормы трудового права (ст. 9 ТК РФ). Или, например, реализуя социальную функцию трудового права, ч. 3 ст. 57 ТК РФ устанавливает правило, согласно которому невключение каких-либо обязательных сведений и (или) условий в текст трудового договора (читай — трудовой сделки) не является основанием для признания трудового договора незаключенным или его расторжения, в этом случае трудовой договор должен быть дополнен недостающими сведениями и (или) условиями. Кроме того, правила ст. 84 ТК РФ устанавливают, что, даже если трудовой договор заключен с неустранимым нарушением определенных Трудовым кодексом или иным федеральным законом правил его заключения, то он может быть прекращен (читай — только на будущее). При этом в целом для работника не подвергаются сомнению позитивные правовые последствия выполненной им работы даже в рамках такого «ущербного» договора (в части оплаты труда, льгот, исчисления стажа работы и пр.). То есть, исходя из отраслевого факта констатации работника как наиболее слабой стороны трудового правоотношения, речь в ст. 84 ТК РФ не идет о при-

менении института реституции (который, впрочем, также нельзя признать сугубо гражданско-правовым).

Таким образом, общий правовой режим регулирования трудовых отношений не исключает в целом возможности применения в данной отрасли права такой общеправовой категории, как «недействительность сделки (договора)», однако исключительно с учетом всей палитры правовых средств, составляющих отраслевой механизм правового регулирования трудовых отношений.

Российские суды высших инстанций удостоверяют правильность подобного теоретического вывода, не подтверждая возможности признания недействительными самих трудовых договоров как оснований возникновения трудовых отношений. В частности, в Определении Верховного суда РФ от 17.11.2020 № 305-ЭС20-5206(2) подтверждена правомерность вывода судов о признании сделками недействительными трудовых отношений в части начисления и выплаты заработной платы, а также сумм налогов (взносов) между рядом граждан и должником, применении последствий недействительности сделки в виде взыскания с них выплаченных денежных средств, поскольку эти действия были направлены на причинение вреда кредиторам.

В Определении Верховного Суда РФ от 31.01.2022 № 308-ЭС21-1139(5) по делу № А53-28448/2018 вновь подтверждается обоснованность признания недействительной сделкой пунктов 3.2, 11.5 трудового договора в части установления должностного оклада и компенсации при увольнении, а также применения последствий недействительности сделки путем взыскания в пользу должника незаконно выплаченных денежных сумм.

Кроме того, в уже упомянутом Определении Конституционного Суда РФ от 30.09.2021 № 2117-О указывается, что последствия признания сделки недействительной возможны в отношении действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с трудовым законодательством. Вместе с тем суд подчеркнул, что положения п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве сами по себе не решают вопрос о возможности оспаривания (признания недействительными) трудовых договоров как оснований возникновения трудовых отношений.

Однако в связи с изложенным возникает важный вопрос: не является ли дискуссия о применимости теории сделок к трудовым отношениям искусственно созданной конструкцией, плодящей лишь сущности, не имеющей теоретического и практического значения? Думается, что это не так.

Во-первых, констатируется понимание сделки как общеправового средства. В целом подобный подход позволяет увидеть системообразующий инструмент в праве — совокупность правовых средств. На уровне отдельных отраслей права в механизме правового регулирования соответствующих общественных отношений проявляется лишь определенное сочетание таких средств. Оно не является раз и навсегда застывшим, а будучи тесно связанным с предметом правового регулирования, с правотворческой деятельностью государства, активностью субъектов права, модифицируется в связи с переменами экономического, социального, политического характера. Таким образом, отраслевой механизм правового регулирования выражает взаимосвязь различных правовых средств, придающих ему, с одной стороны, универсальность и статику, с другой — гибкость и динамизм.

Во-вторых, не менее важно, что используемая юридическая терминология имеет системный характер, а юридические термины адекватно отражают складывающуюся правовую реальность (Филиппова и Хохлов 2022, 164).

В-третьих, представляется, что, помимо приведенных теоретических аргументов в пользу существования сделок в трудовом праве, можно вести речь и о социальной стороне данного явления. Социальное значение теории трудовых сделок связано с ее влиянием на поведенческую настроенность работника и работодателя при реализации трудового правоотношения. Как представляется, в целом в термине «сделка» присутствует признак формального равенства, базирующийся на «взаимности социального обмена» (Мамут 2001, 6–7) между сторонами. Последнее замечание является определяющим, поскольку такое понимание способствует формированию и развитию трудового отношения не как конфронтационного («баррикадного»), а отношения сотрудничества, отношения консенсуального. Тем самым возможно генерирование приветствуемых в обществе форм поведения работника и работодателя в сфере труда.

2.2. Сделки в праве социального обеспечения

Рассуждения в этом разделе статьи обусловлены, в первую очередь, необходимостью обозначить одно из направлений развития отрасли через возможности использования вне отраслевых правовых средств регулирования. Мы разделяем мнение наших коллег о том, что сегодня наблюдается стремление к абсолютизации отраслевого деления права (Филиппова и Хохлов 2022, 147). Отмеченный кризис отраслевого понимания системы права в праве социального обеспечения проявляется в неэффективном использовании общеправовых и межотраслевых правовых средств под страхом риска утраты отраслью своей самостоятельности. Одним из примеров отраслевых «предубеждений» являются дискуссии о допустимости и пределах применения частноправовых конструкций в праве социального обеспечения (Пузырева 2020, 8); в этой статье вопрос сужается до применимости сделок (в том числе договоров) в праве социального обеспечения.

Традиционно выделяемые характеристики метода правового регулирования социального обеспечения (алиментарность, субъектный состав правоотношений, обеспечение за счет общественных фондов потребления, преобладание норм-предписаний и др.), на первый взгляд, полностью исключают использование каких-либо частноправовых конструкций. Но вспомним ставшие классическими аргументы во второй дискуссии 1955–1958 гг. о системе права: отрасль права шире совокупности только специфических правоотношений, одни и те же нормы и правовые институты в различном сочетании могут входить в различные отрасли права (см., например, Дембо 1956, 92). Современные исследования подтверждают, что правовое регулирование сферы социального обеспечения, не нарушая отраслевого деления права, представляет собой органическое соединение норм обширной группы отраслей, ядром которого остаются нормы права социального обеспечения (Корсаненкова 2021, 15).

Руководствуясь этими соображениями, рассмотрим особенности применения института сделок в социальном обеспечении. Следуя упомянутой ранее классификации сделок, сначала ответим на вопрос: существуют ли и возможны ли вообще

односторонние сделки в праве социального обеспечения? При односторонней сделке имеет место волеизъявление лица, которое не связано волей кого бы то ни было и которое имеет юридическое значение, порождает юридические последствия в виде возникновения, изменения или прекращения субъективных прав или юридических обязанностей.

Напомним, что субъектами в праве социального обеспечения являются государство (предоставляющий субъект) и физические лица (субъекты-получатели). Если речь идет о некоем одностороннем волеизъявлении со стороны государства в лице уполномоченных государственных органов, учреждений или должностных лиц, то надо полагать, что мы имеем дело исключительно с административным актом управления. Констатировать здесь допустимость совершения односторонних сделок невозможно (при этом самостоятельный научный интерес представляют легитимность и соответствие принципам социального обеспечения принятие государством таких односторонних актов, которыми, например, в беззаявительном порядке назначаются и выплачиваются денежные средства отдельным категориям граждан и семей, — период пандемии COVID-19 и сопровождающего ее ухудшения материального положения населения изобилуют такими примерами). Проявлением императивного метода в социальном обеспечении является то обстоятельство, что государственному органу или иному субъекту, уполномоченному государством, *прямо предписывается* предоставить гражданину обеспечение определенного вида, в определенном размере и в определенном порядке — какое-либо проявление собственной воли, усмотрения исключается.

В таком случае возникает вопрос: может ли волеизъявление обеспечиваемого субъекта составить содержание односторонней сделки? Обратимся к ч. 6 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2013 № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», согласно которой средства пенсионных накоплений выплачиваются правопреемникам застрахованного лица в случае его смерти до назначения ему накопительной пенсии или до корректировки ее размера с учетом дополнительных пенсионных накоплений. При этом застрахованное лицо вправе в любое время посредством подачи заявления о распределении средств пенсионных накоплений страховщику определить конкретных лиц, которым может быть произведена такая выплата, а также установить, в каких долях следует распределить между ними указанные средства. Представляется, что такое заявление, являясь по сути эквивалентом завещания, может быть отнесено к числу односторонних сделок: для возникновения юридических последствий в виде распределения пенсионных накоплений между правопреемниками не требуется принятия решения Пенсионным фондом РФ (в отличие, например, от заявления о единовременной выплате средств пенсионных накоплений, предполагающего проверку Пенсионным фондом соблюдения предписанных условий и принятие решения о выплате).

Но стоит признать, что это, пожалуй, единичный пример односторонней сделки субъекта-получателя социального обеспечения. Диспозиции норм, предусматривающие согласие, волеизъявление, инициативу субъекта-получателя, конструируют любые иные акты реализации права, но не совершение односторонних сделок. Например, добровольно вступая в отношения по обязательному социальному страхованию (ст. 4.5 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи

с материнством»), страхователь лишь приступает к реализации субъективных прав и выполнению обязанностей, причем в том порядке и на тех условиях, которые заранее нормативно установлены. По этой причине вполне можно согласиться с правовой квалификацией этих правоотношений в качестве договора присоединения (Лушников 2017, 346).

Говоря о *многосторонних сделках* в праве социального обеспечения, мы, в первую очередь, вспоминаем о нормативных договорах (международные соглашения, коллективные договоры и соглашения), а также о трудовых договорах, которые могут предусматривать дополнительные виды социального обеспечения работников и членов его семьи.

В силу отсутствия юридического равенства между субъектами отношений их права и обязанности не могут всецело определяться договором, а перечисляются в нормативных правовых актах. Общественный характер распределения финансовых средств и необходимость гарантировать каждому определенный уровень потребления диктует также императивное закрепление правил предоставления обеспечения. Для доктрины социального обеспечения характерной является позиция об исключительно публичном характере отрасли, исключающем частноправовые, договорные начала в этих правоотношениях (Тучкова 2004).

Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция к расширению использования договорного регулирования в системе социального обеспечения. Например, договоры могут в ряде случаев предусматривать возложение на гражданина определенных обязанностей, исполнение которых выступает условием предоставления ему тех или иных видов социального обеспечения (Филиппова 2021, 54). Оказание малоимущим гражданам государственной социальной помощи на основании социального контракта в целях стимулирования их активных действий по выходу из трудной жизненной ситуации предполагает разработку программы социальной адаптации (Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»). Государственная социальная помощь оказывается при условии полной и своевременной реализации гражданином предусмотренных ею мероприятий под риском ее прекращения органом социальной защиты в одностороннем порядке.

Существенное влияние норм частного права претерпели отношения по предоставлению социальных услуг. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 широко использует договорные конструкции и заимствует приемы правового регулирования, термины, свойственные гражданскому праву. (Корсаненкова 2017, 10–11).

На наш взгляд, какое-либо противоречие между публично-правовым характером отрасли и тенденцией расширения договорного регулирования отсутствует. Одна из сторон социально-обеспечительных отношений выступает стороной, управомоченной с субъективным правом на обеспечение, а другая — обязанной предоставить обеспечение. Но это относится лишь к главному праву и материальному отношению по его предоставлению, помимо которого стороны связаны отношениями процедурного характера, касающимися порядка предоставления обеспечения и порядка его получения. В ряде случаев, если такая возможность предусмотрена нормативно, права и обязанности субъектов, связанные с процедурой предоставления обеспечения, могут устанавливаться в договоре.

Проанализированные выше и иные договорные конструкции в социальном обеспечении подтверждают, что в договорном порядке невозможно предусмотреть предоставление новых или модифицированных видов социального обеспечения, как и невозможно изменить основания предоставления обеспечения взамен на предоставление какого-то эквивалента и т. п.

Оценивая демографические и социальные реалии, мы предполагаем, что договорное регулирование будет только расширяться, во-первых, в части вовлечения большего числа граждан в различные формы дополнительного пенсионного страхования, во-вторых, в части предоставления дополнительных видов негосударственного социального обеспечения (в качестве примера приведем добровольные страховые взносы на социальное обслуживание в старости в Японии, которые в силу быстрых темпов старения населения преобразовались в новый вид обязательного страхования). Согласимся также и с тем, что возрастет будет и сочетание договорного регулирования с государственным, но при условии недопустимости подмены одного источника правового регулирования другим: все, что ниже федерального стандарта, может рассматриваться лишь в качестве дополнительного обеспечения, направленного на повышение качества жизни, но не в качестве замены этого стандарта (Кобзева 2017, 49; Пузырева 2015).

3. Выводы

По итогам анализа понятия сделки в трудовом праве и праве социального обеспечения нами констатируется понимание сделки как универсального общеправового средства. Такой подход позволяет увидеть системообразующий инструмент в праве — совокупность правовых средств.

Характер общественных отношений, регламентируемых трудовым правом, позволяет субъектам права совершать определенные действия, позволяющие саморегулировать условия труда в рамках законодательства. Правовое положение работника и работодателя, реализующих принцип свободы труда, способствует возможности заключения трудовых сделок. С точки зрения права действия работников и работодателей относятся к категории юридических фактов, поскольку их последствия направлены на возникновение, изменение или прекращение правоотношений в сфере труда. Правовой режим регулирования трудовых отношений не исключает возможности применения такой общеправовой категории, как «недействительность сделки (договора)», однако, с учетом разнообразия всех правовых средств, составляющих отраслевой механизм правового регулирования трудовых отношений.

Кроме того, для трудового права использование понятия «сделка» имеет важное социальное значение, поскольку влияет на поведенческую настроенность работника и работодателя при реализации трудового правоотношения, способствуя формированию и развитию трудового отношения как консенсуального отношения сотрудничества.

Применительно к праву социального обеспечения мы также приходим к выводу, что используемая юридическая терминология имеет системный характер, а юридические термины адекватно отражают складывающуюся правовую реальность. В силу отсутствия юридического равенства между субъектами отношений

их права и обязанности не могут всецело определяться договором, а перечисляются в нормативных правовых актах. Это же обстоятельство обуславливает невозможность совершения односторонних сделок субъектами права социального обеспечения. В договорном порядке невозможно предусмотреть предоставление новых или модифицированных видов социального обеспечения, как и невозможно изменить основания предоставления обеспечения взамен на предоставление какого-то эквивалента. При этом устойчивая тенденция расширения договорного регулирования не входит в какое-либо противоречие с публично-правовым характером отрасли.

Библиография

- Алексеев, Сергей С. 1987. «Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация.» *Советское государство и право* 6: 12–19.
- Гай. 1997. *Институции*. Москва: Юристъ.
- Дембо, Лев И. 1956. «О принципах построения системы права.» *Советское государство и право* 8: 91–93.
- Дивеева, Нелли И. 1999. *Договорные основы трудового права России*. Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Дивеева, Нелли И. 2008. *Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений*. Барнаул: Азбука.
- Егоров, Юрий П. 2004. *Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования*. Новосибирск: Наука.
- Кобзева, Светлана И. 2017. «К гармоничному развитию и систематизации источников права социального обеспечения.» *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)* 10: 43–52.
- Корсаненкова, Юлия Б. 2017. «Проблемы правового регулирования современного института социального обслуживания граждан Российской Федерации.» *Социальное и пенсионное право* 2: 10–14.
- Корсаненкова, Юлия Б. 2021. *Межотраслевые связи права социального обеспечения: современное состояние и их влияние на дальнейшее развитие отрасли*: Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Московский государственный университет.
- Лушников, Андрей М., Марина В Лушникова и Надежда Н. Тарусина. 2017. *Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения*. Москва: Проспект.
- Маврин, Сергей П. 1989. *Правовые средства управления трудом на предприятиях*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Мамут, Леонид С. 2001. «Социальное государство с точки зрения права.» *Государство и право* 7: 5–14.
- Офман, Елена М. 2022. «Воля в механизме осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей работника и работодателя.» *Ежегодник трудового права* 12: 122–145.
- Пугинский, Борис И. 1980. *Правовые средства обеспечения эффективности производства*. Москва: Юридическая литература.
- Пузырева, Александра А. 2015. «Конструкция договора в праве социального обеспечения.» *Российское правоведение: трибуна молодого ученого* 15: 234–248.
- Пузырева, Александра А. 2020. *Пределы использования частноправовых конструкций в праве социального обеспечения*: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет.
- Сорокин, Виталий В. 2008. *Теория государства и права переходного периода*: учебник. Новосибирск: Издательство НГИ.
- Тучкова, Эльвира Г. 2004. «Совершенствование методики преподавания права социального обеспечения.» *Роль социального обеспечения в решении проблемы бедности и совершенствование методики преподавания права социального обеспечения*: сб. тр. Всерос. науч.-практич. конф. (Москва, 19–21 января, 2004 г.): 95–120. Москва: Проспект.

Филиппова, Марина В., и Евгений Б. Хохлов. 2022. «О межотраслевых связях в праве: некоторые аспекты категориального аппарата.» *Ежегодник трудового права* 12: 146–166.
Филиппова, Марина В., ред. 2021. *Право социального обеспечения*. Москва: Издательство «Юрайт».
Халфина, Раиса О. 1988. *Право как средство социального управления*. Москва: Наука.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 21 июля 2022 г.

Контактная информация:

Дивеева Нелли Ивановна — д-р юрид. наук, проф.; n.diveeva@spbu.ru
Ногайлиева Фатима Курмановна — ассистент; f.nogaylieva@spbu.ru

The notion of transactions in labour law and social security law

N. I. Diveeva, F. K. Nogaylieva

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Diveeva, Nelly I., Nogaylieva, Fatima K. 2023. “The notion of transactions in labour law and social security law.” *Russian Journal of Labour & Law* 13: 106–118.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.107> (In Russian)

The institution of transactions, having gone through a long path of evolution and filling with meanings, has acquired in modern law the quality of a universal means of regulating social relations. The universality and practicality of transactions as a legal means has tangible manifestations in any branch of law, forming, to one degree or another, the distinctive characteristics of the method and mechanism of legal regulation. The essence and place of transactions (and contracts as their varieties) continues to be the subject of discussion, the importance of transactions as legal facts in many industries is underestimated and needs additional scientific analysis. In this article, the authors raise the question of the nature and place of transactions in the system of legal facts, as well as sources of law in labour law and social security law. Using the example of the branches of labour law and social security law, the authors prove that transactions are among the universal general legal means that do not have an exclusively civil law binding. At the same time, the legal regulation of this tool varies from industry to industry. In labour law, the understanding of a transaction as one of the legal means contributes to the formation and development of an employment relationship not as a confrontational relationship, but as a relationship of cooperation, a consensual relationship. Due to the lack of legal equality between the subjects of social security law, their rights and obligations cannot be fully determined by the contract. However, the tendency to expand contractual regulation demonstrates the significant impact of private law on many social security relations (state social assistance, social services, non-state social security).

Keywords: transaction, legal means, legal fact, employment contract, legal fact, social contract, social service contract.

References

- Alekseev, Sergei S. 1987. “Legal means: Problem statement, concept, classification.” *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* 6: 12–19. (In Russian)
Guy. 1997. *Institutions*. Rus. ed. Moscow: Yurist Publ. (In Russian)
Dembo, Lev I. 1956. “On the principles of building a system of law.” *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* 8: 91–93. (In Russian)

- Diveeva, Nelly I. 1999. *Contractual Basis for Russian Labour Law*. Altai State University Publ. (In Russian)
- Diveeva, Nelly I. 2008. *Theoretical problems of individual legal regulation of labour relations*. Barnaul: Azbuka Publ. (In Russian)
- Egorov, Yury P. 2004. *Legal Regime of Transactions as Means of Individual Regulation*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russian)
- Filippova, Marina V. and Evgeniy B. Khokhlov. 2022. "About intersectoral relations in law: Some aspects of the categorical apparatus." *Russian Journal of Labour & Law* 12: 146–166. (In Russian)
- Filippova, Marina V., ed. 2021. *Social Security Law*. Moscow: Iurait Publ. (In Russian)
- Halfina, Raisa O. 1988. *Law as a Means of Social Management*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Kobzeva, Svetlana I. 2017. "Toward a harmonious development and systematization of the sources of social security law." *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)* 10: 43–52. (In Russian)
- Korsanenokova, Yulia B. 2017. "Problems of legal regulation of the modern institute of social services for citizens of the Russian Federation." *Sotsialnoye i pensionnoye pravo* 2: 10–14. (In Russian)
- Korsanenokova, Yulia B. 2021. *Intersectoral links of social security law: The current state and their impact on the further development of the industry*. Dr. Sci. Thesis Abstract in Law. Moscow State University Publ. (In Russian)
- Lushnikov, Andrey M., Marina V. Lushnikova and Nadezhda N. Tarusina. 2017. *Contracts in the field of family, labour and social security*. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)
- Mavrin, Sergei P. 1989. *Legal means of labour management in the enterprise*. Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)
- Mamut, Leonid S. 2001. "The welfare state from a legal perspective." *State and Law* 7: 5–14. (In Russian)
- Offman, Elena M. 2022. "Will in the mechanism of the exercise of subjective rights and duties of the employee and the employer." *Russian Journal of Labour & Law* 12: 122–145. (In Russian)
- Puginsky, Boris. I. 1980. *Legal means of ensuring the efficiency of production*. Moscow: Iuridicheskaya literatura Publ. (In Russian)
- Puzyreva, Alexandra A. 2015. "Contract construction in social security law." *Rossiiskoe pravovedenie: tribuna molodogo uchenogo*: 15: 234–248. (In Russian)
- Puzyreva, Alexandra A. 2020. *Limits of Using Private Law Constructions in Social Security Law*: PhD Thesis Abstract in Law. Yekaterinburg: Ural State Law University. (In Russian)
- Sorokin, Vitaliy V. 2008. *Theory of State and Transitional Law: The Textbook*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGI Publ. (In Russian)
- Tuchkova, Elvira G. 2004. "Improving methods of teaching social welfare law." *The role of social security in solving the problem of poverty and improving the methodology of teaching the law of social security: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, January 19–21, 2004)*: 95–120. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)

Received: June 30, 2022

Accepted: July 21, 2022

Authors' information:

Nelly I. Diveeva — Dr. Sci. in Law, Professor; n.diveeva@spbu.ru
 Fatima K. Nogaylieva — Assistant Lecturer; f.nogaylieva@spbu.ru